

Павло РУДЯКОВ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СЕРБОВ В РОССИЮ В 18 ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКО-СЕРБСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ 18–19 ВВ.

Известно, что «одиночное переселение сербов и вообще южных славян в Россию», как называет это явление Нил Попов, началось ранее относительно массового и организованного выхода сербских ландмилиционеров из Австрии, приведшего в 1750–60-е годы 18 века к созданию поселений Новая Сербия и Славяно-сербия, и продолжалось после него (11, 603).

Среди первых и наиболее замечательных по своим успехам и заслугам перед российскими самодержцами переселенцев следует, конечно, назвать Савву Лукича Владиславича (или Владиславлевича), графа Рагузинского, как он сам себя титуловал, прибывшего в столицу Российской империи «с товарами» в конце 1702 года (15, без указания страницы).

Савва Владиславич считался в России выходцем из Далмации, хотя В.Чорвич в своей «Истории сербского народа» называет его «герцеговинцем». Того же мнения придерживается и О.Бодянский, уточняя, что действительным местом рождения Саввы было местечко Попово в Герцеговине, откуда его отец вскоре после появления на свет сына переселился в Дубровник.

Савва Владиславич был встречен радушно и стал навещаться в Россию регулярно, постепенно расширяя круг интересов и характер торговых дел. Кроме всего прочего, он время от времени выполнял еще и личные поручения царя Петра за пределами России. Именно это обстоятельство, очевидно, позволило ему через несколько лет после первого приезда получить «Жалованную грамоту» императора на право «свободно по всей России торговать», что в ту пору было важной привилегией, добиться которой было отнюдь непросто.

Со временем, пришедшемуся по душе хозяев гостю «из Далмации» был выделен двор на Покровке. Еще два года спустя – весной 1710-го, когда Петр Первый решительно расправлялся с перешедшим на сторону шведского короля под Полтавой гетманом Иваном Мазепой и его соратниками, раздавал их имения своим любимцам, – Савве пожаловали «изменников Ломиковского и Чуйкевича в Малороссии маетности...».

К этому времени Савва Владиславич, успевший побывать с Петром еще и в «прутском» походе, имел уже чин «надворного советника Иллирийского». Практически отойдя, вскоре после переезда в Россию, от дел торговых, Савва проявил

себя и на дипломатическом поприще: ему, например, было поручено исполнение обязанностей посланника российского царя в Дубровницкой республике; заметной оказалась его роль в подписании мира России с Китаем. Государственная карьера Владиславича была не менее успешной, чем его коммерческая активность: он дослужился до чина тайного советника.

Несколько позже, уже во времена императрицы Анны Иоановны, в службе при российском дворе состоял брат Саввы Владиславича («шляхтича иллирийского», как он назван в одном из документов), Ефим, заслуги которого также были отмечены чином тайного советника.

Взявшись воплощать в жизнь абсолютно новое для России дело – строительство флота, – Петр пригласил в качестве советников несколько человек из Дубровника, Далмации, Боки Которской, славившихся своими богатыми морскими традициями. Так, в русской службе оказались, к примеру, «бокеля» (житель Боки) Мате Змаевич, ставший впоследствии адмиралом русского балтийского флота, дубровчане Иероним Наталич и Иво Тудизич, бывшие советниками царя. Считается, что их и некоторых других людей из Дубровника и Далмации рекомендовал царю для принятия в службу именно Савва Владиславич.

Одним из первых из числа «австрийских» сербов, переселившихся в Россию и поступивших в русскую службу, был капитан Панта (или Пантелеймон) Божич, прибывший в Москву в 1704 году и назначенный полковником в Сербский гусарский полк.

При этом Божичу было доверено исполнять еще и роль «постоянного представителя и известителя царя Петра Алексеевича по сербским вопросам». По свидетельству В.Чоровича, Божич в 1708 году получил какие-то особые полномочия, связанные с представлением сербских интересов в России, и со стороны самих сербов. Такими полномочиями наделил его «сабор» (съезд), состоявшийся в Крушеде.

Панта Божич принимал участие в «шведском» походе царя Петра и в битве со шведами под Полтавой в 1709 году, а затем – и в «прутском» походе русской армии. В награду за верную службу он получил от гетмана Скоропадского два села под старинным украинским городом Батурином, столицей впавшего в царскую немилость гетмана Мазепы, где и осел после выхода в отставку.

В «Родословной книге Черниговского дворянства», куда была со временем занесена фамилия Божичей, говорится, что их род знатного «иллирийского» происхождения и ведет свое начало от римского консула Боэция. Переселясь в Иллирию, этот консул, якобы, переименовал свое имя на Божич, «сообразаясь свойству иллирийского языка». В том же источнике отмечено «свойство» (родство) рода Божичей с Бранковичами, «прежде бывшими в Сербии владетелями» (9, без указания страницы).

Есть сведения, что вместе с Пантелеймоном, Божичем в Россию переселились и его братья – Степан и Гавриил. Сын Пантелеймона Иван служил в русской армии, дослужившись до чина бригадира.

При Анне Иоановне выехали из Австрии в «пределы государства российско-

го» еще несколько сербов: Иван Стоянов (или Стоянович), Степан Виткович, Дмитрий Перич.

Ко всем к ним судьба была достаточно благосклонна. Каждому из них повезло скрасить разлуку с родными местами успешным продвижением по службе и заметным ростом личного благосостояния.

Стоянов в русской армии дослужился до чина генерал-майора, Виткович – до бригадира, Перич – до подполковника в «старом» сербском гусарском полку. Все трое в разное время за заслуги и преданность короне получили, как это было принято в те времена, крупные имения на территории «Малороссии», то есть Украины. У Стоянова был сын Михаил, появившийся на свет уже в России и так же, как его отец, со временем дослужившийся до генерал-майорского чина.

Еще одним выходцем из Австрии в Россию до начала переселения в Новую Сербию и Славяносерию, был Петр Текелий (или Текели), дядя Саввы Текелия (1761–1842), оставившего заметный след в истории «австрийских» сербов. Именно Савва сумел убедить Наполеона образовать из Далмации и Хорватии единое Иллирийское королевство. Он же впоследствии подавал австрийскому императору Францу I «меморандум» о восстановлении свободной и независимой Сербии, без которой невозможен настоящий и прочный мир на Балканах и вокруг них.

Петр Текелий был принят на русскую службу в чине поручика и определен в «старый» сербский гусарский полк. Вскоре он перешел из гусарских в армейские части и дослужился до чина генерал-аншефа.

«Он служил столько, – пишет о нем в своих «Мемуарах» Симеон Пищевич, – сколько каждому повелевает долг, но в продолжение своей жизни имел такое счастье, что не только достиг до великой старости (умер в 1793 году – П. Р.), сохранив при этом крепкое здоровье, но еще на него сыпались не только чины и ордена, но и великое богатство; женат он не был и, стало быть, детей законных не имел, но оставил после себя двоих побочных, сына и дочь, которых и назначил наследниками большей части своего имения, передав им и свою фамилию».

Род Текели, который именовался первоначально «Попович-Текели», прервался в мужской линии в 1810 году. Фамильное имя рода было передано дворянам Куракиным. Село в Херсонской области, получившее в свое время название «Текелиевка», также было переименовано: сначала в «Александровку», а затем в «Куракино», по фамилии новых владельцев.

Готовясь к «прутскому» походу на турок, Петр Первый принял решение привлечь, вовлечь в борьбу против султана сербов и других православных славян Балканского полуострова. Во исполнение царской воли и замыслов русского правительства в марте 1711 года были разсланы грамоты «с печатью и повелением Его Царского Величества», в которых содержались призывы к восстанию против турок и оговаривались условия поощрения участников такого восстания со стороны России. Грамоты были отправлены в Черногорию, Герцеговину, Македонию, Албанию и некоторые другие области, расположенные в «европейской» провинциях Османской империи.

Одним из адресатов оказался черногорец Михаил Милорадович, получивший сразу две царские грамоты: одну за подписью первого министра графа Головкина,

другую – своего земляка Саввы Владиславича. О.Бодянский высказал предположение о том, что Милорадович был рекомендован русскому правительству и, вероятно, лично царю Петру именно Владиславичем (4, 24), и с этим, учитывая все известные обстоятельства, трудно не согласиться (см. об этом: 13, 8).

Оба документа Милорадович получил 12 апреля 1711 года, находясь в «Букарештии Мунтянской» (одном из румынских княжеств), куда его привели семейные дела. Грамоты передал ему капитан Иван Албанез.

Дальнейшие свои действия после получения царских грамот описывает в «Доношении Царскому Пресветлому Величеству», датированным следующим, 1712, годом, сам Милорадович. «...И как мы выразумели в грамотах такое повеление и заповедь Вашего Царского Пресветлого Величества, – пишет он, – той час оставили все свое дело, интересы и стали обслуживати заповеди Вашего Царского Пресветлого Величества... и пошел во имя Божие, и взял с собою вышереченного капитана (Ивана Албанеза – П. Р.) – и пошли через турецкую землю с великим страхом и трепетом, и... пришли мы на здравие у реченную Гору Черную...» (6, 32).

В одном из источников указывается, что спутником Михаила Милорадовича в его более чем рискованном путешествии был не Албанез (или, по крайней мере, не только он), а капитан Иван Лукачевич из Подгорицы.

Прибыв в Черногорию, Милорадович собрал князей, воевод и «поглаваров» и в присутствии митрополита черногорского Данила довел до их сведения призыв русского царя. Учитывая традиционно восторженное и искренне преданное расположение черногорцев к России и ко всему, что с нею связано, получить их поддержку не составляло особого труда: большинство из них готово было откликнуться на предложение такого рода буквально по первому зову.

Выступление черногорцев под предводительством Милорадовича против турок поначалу складывалось достаточно успешно. По словам самого героя, он и его люди «многие турецкие села и деревни и куле (буквально: «башни» – П. Р.) раскопали и разорили, и выжгли по Албании и Херцеговине, и многие турки побили и рабе в полон взяли, и смутили их, и устави противу нас воевать Турки и Албанске, и Херцеговинске, и Босанске...».

Услуга, оказанная черногорцами Петру в его боевых действиях на полях очередной русско–турецкой войны, была поистине велика. Своим выступлением они удержали на месте албанские, герцеговинские и боснийские отряды, которые в результате не смогли двинуться на соединение с другими частями армии султана к реке Прут и тем самым еще более осложнить и без того незавидное положение оказавшейся там русской армии.

Удача сопутствовала восставшим чуть больше года и отвернулась от них весной 1712 года. Милорадовичу пришлось покинуть Черногорию и, говоря современным языком, де-факто искать политического убежища в России.

Тем временем сама Россия вынуждена была спасать то, что еще можно было спасти, пойдя на подписание мирного договора с Турцией на очень тяжелых и невыгодных для себя условиях. Черногорцы же продолжили войну против турок и

заключили перемирие только после того, как окончательно убедились в том, что война Турции и России закончилась.

В этот момент Милорадович обратился к Петру Первому с «Доношением», главным моментом в котором была просьба о разрешении ему поселиться в России и о принятии в царскую службу. Решение царя, как и следовало ожидать, оказалось для героя благоприятным: он был принят на поселение и в службу, ему было пожаловано 500 червонцев, портрет государя-императора на Андреевской ленте, а также поместья все в той же «Малороссии» (сама судьба влекла сербов и черногорцев на украинские земли). Несколько позже – в 1715 году – Милорадович был назначен полковником в Гадяч.

«Награды большие, но не необычайные, – комментирует царские милости О.Бодянский, – ... Савва Владиславич тоже, еще до участия своего в Прутском походе, получил, в 1710 году, три села...» (4, 29).

На русскую службу Михаил Милорадович поступил не один. Вместе с ним в Россию прибыли несколько сербских и черногорских офицеров, а также 148 человек рядового состава, тоже – «из сербов» (2, 187). Прибывшим отвели для поселения земли в слободских полках: полковникам – по местечку или по большому селу, остальным офицерам – по несколько дворов (2, 187).

В числе других сербских офицеров, принявших решение не оставаться в Черногории в ожидании мести со стороны турок за участие в восстании, а последовавших за Милорадовичем в Россию, был и капитан Иван Албанез.

О.Бодянский упоминает о прошении Албанеза на имя графа Головкина с просьбой принять его в России в награду «за службу», состоявшую, по собственному определению капитана, в том, что он в 1711 году «относил грамоты царские в Македонию, Черногорию и в Мунтянскую землю (княжества Румынские)».

По прибытии в Петербург в 1712 году Албанез получил в награду за труды 500 рублей. Задолжал он, правда, за время своего пребывания в рядах повстанцев в Черногории – 600. Поэтому, писал он первому министру, «не имеючи с чем поехать, ни долгу платити, того ради остался при Господине Полковнику Михайлу Милорадовичу, и живу ныне при нем без никакой официи» (4, 38).

Получив назначение в Гадяч, Милорадович не забыл об Албанезе, обратившись с просьбой назначить его в тот же гадячский полк на должность полкового обозного. Просьба была удовлетворена.

Спустя некоторое время после событий, связанных с поездкой Милорадовича и Албанеза на Балканы и их участием в восстании против турок, царь Петр еще раз прибегнул к услугам теперь уже не капитана, а майора Албанеза. На сей раз ему была поручена деликатная миссия агитации сербов и черногорцев для переселения в Россию.

Именно Петр Великий положил начало делу, которое позже осуществила его дочь Елизавета: занялся организацией переселения из Австрии и славянских земель, находившихся под властью Турции, в Россию православных славян с целью создания из них военных поселений для защиты южных границ империи по примеру австрийской «военной границы».

Уже тогда, когда на поселение и в службу был принят Михаил Милорадович,

ему и всем, кто был с ним, было от имени русского правительства объявлено о возможности получения дополнительных земель, на которых они смогут селить своих земляков в случае, если те тоже согласятся выйти на поселение в Российскую империю.

В 1723 году Петр издал специальный указ, имевший главной целью подтолкнуть сербов и других православных славян к переселению в Россию. В указе, в частности, говорилось: «объявляем через сие всем, кому о том ведать надлежит, понеже мы восприяли намерение в наших украинских городах содержать несколько полков конных гусарских из сербского народа и для призыву и принятия оных в нашу службу вручили мы комиссию майору Ивану Албанезу...» (1, лист 1).

Албанез вновь отправился в южнославянские земли, проследовав по пути туда через Киев, где ему, согласно распоряжению царя, был выдан паспорт, в котором в целях конспирации и избежания возможного преследования со стороны австрийцев и турок было указано, что он – Албанез – приезжал в Россию для свидания с родственниками.

5 мая 1724 года Албанез направил письмо (вероятно, не первое и не единственное) на имя киевского генерал-губернатора князя Трубецкого, в котором сообщал о том, что вербовка будущих переселенцев идет более или менее успешно («...пришло к нему еще более десяти человек офицеров и прочих в том числе один полковник...») (1, лист 4).

Из документов Военной Коллегии следует, что по царской грамоте, данной в 1723 году Ивану Албанезу, в Россию переселилось в общей сложности 459 сербов. Первоначально их планировалось поселить на украинских землях, но затем решение было изменено, и прибывших переселенцев отправили в Низовой корпус, дислоцированный в далеком приволжском Царицыне.

В мае 1731 года майор Албанез от имени тех сербских солдат и офицеров, которые все-таки прибыли к месту нового назначения, а не «исчезли» по пути следования (разбежалось 179 человек, осталось – 280), требовал от командования сведений об их дальнейшей судьбе. После этого след Ивана Албанеза в документах теряется, и дальнейшая его судьба остается для нас неясной.

В мае 1732 года вопрос, поставленный Албанезом, был, наконец, решен положительно на основании «высочайше утвержденного» доклада Военной Коллегии «О поселении служащих в Сербском Гусарском полку Сербов в Украине и о содержании их на счет казны» (10, 822).

***

22 мая 1751 года российский посланник при австрийском дворе действительный статский советник и обергофмаршалл граф Михаил Бестужев-Рюмин направил в Санкт-Петербург пространное донесение, в котором сообщал о наличии «среди обретающихся в службе Ее Величества Императрицы римской, Королевы венгеро-богемской выходцев из сербского народа» лиц, имеющих сильное намерение вступить «в службу и вечное подданство» Ее Величества Императрицы Елизаветы Петровны.

В донесении шла речь также и о том, что к нему, Бестужеву-Рюмину, обра-

тились люди из числа высоких офицерских чинов австрийской армии, берущиеся подготовить и осуществить переселение значительного количества сербов из одной державы в другую (1, листы 6–10).

Информация, переданная послом, нашла живейший отклик при российском дворе. Переселения «австрийских» сербов тут ждали, прилагая усилия к тому, чтобы оно начиналось, как можно скорее, и было по возможности более успешным и массовым.

Россия, безусловно, готова была принять сербских переселенцев. В то время российскому самодержавию крайне необходимы были люди, на костях и крови которых удалось бы осуществить план продвижения на юг, к берегам Черного моря и к Крыму, на границу империи, защитив ее от опустошительных набегов беспокойных соседей – татар.

«Горький опыт показал, где находится ахиллесова пята России, которую так долго искали ее неприятели, – писал в этой связи Н.Данилевский, – и вопреки этому, опыт веков... показал со всей очевидностью, что с других сторон, и с запада, и с севера, она неуязвима..., осталась уязвимость только с юга. Это не одни лишь эмпирические сведения, но факты, имеющие вполне довольное объяснение, поскольку проистекают из положения России и сущностных черт и характерных особенностей ее силы и мощи» (5, 295).

В 18-м веке отношения с Турцией, несмотря на некоторое ослабление ее позиций как фактора европейской политики, и Крымом занимали важное место во внешнеполитической деятельности Российского государства. Борьба против регулярных проблем, создававшихся поддерживаемыми турками крымскими татарами, так же, как и в 16–17-м веках, продолжала оставаться для российских царей одной из важнейших задач.

Некоторые исследователи склонны объяснять интерес России к сербам и повышенное внимание к их переселению на нынешние украинские земли еще и тем, что, по словам А.Скальковского, «граф Бестужев, пребывая в Австрии, знал о существовании и пользе Сербско–Венгерской границы, – содержимой поселенными гусарскими полками всегда с большим противу Турок успехом, – и желал эту защиту приобрести для России» (8, 144).

Вообще, 18-й век для государства российского – это эпоха коренной перестройки. «Именно с этого времени страна встала на путь общенационального прогресса и реформ. По сравнению с предыдущим, 17-м веком, стали иными государство и государственные институты, общество и его инфраструктура. Русь Московская превращалась в Российскую Империю» (12, 3).

«Важные дела совершались при Елизавете на окраинах России», – читаем по этому же поводу в известном «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона. Одним из таких дел и призвано было стать основание сербских поселений на южных границах государства.

13 июля 1751 года последовал рескрипт Императрицы Елизаветы Петровны о принятии в службу сербских переселенцев во главе с полковником Иваном Хорватом согласно спискам, переданным Хорватом российскому посланнику. Путь в Россию, таким образом, был для сербов открыт.

Первая группа переселенцев, или, как ее называли, «команда», прибыла в Киев, через который лежал их путь к местам будущего размещения, 10 октября 1751 года.

В ее составе, если верить данным «Ведомости прибывших из Венгрии в Киев сербской нации штаб и обер-офицеров», было 218 человек. Из них: 77 военнослужащих (51 рядовой, остальные 26 – офицеры, вахмистры, капралы), 82 члена их семей и 59 «служителей» (то есть, слуг). С ними, кроме того, как специально отмечено в «Ведомости», было еще и 196 лошадей (1, лист 71).

3 ноября того же года в Киев из той же «Венгрии» прибыла еще одна группа сербов, правда, на сей раз в количественном отношении совсем небольшая. В нее входили один капитан с семьей из шести человек и тремя слугами, а также один поручик, один прапорщик и четыре рядовые гусара. С прапорщиком прибыла его жена (1, лист 71).

В последующие несколько недель ноября до Киева, преодолев все тяготы нелегкого и нескорого пути и перевалив через чрезвычайно опасные для путешественников Карпаты, добрались еще несколько групп переселенцев, влившихся в «команду» Хорвата. В общей сложности к концу 1751 года их оказалось 419 человек, считая военнослужащих, членов их семей и слуг.

Эти люди, среди которых вместе с другими оказались и представители известных сербских семей: Хорваты, Чорбы, Цветановичи, Вуичи, Серезлии, и послужили основой для формирования сербских поселений на украинских землях – Новой Сербии и Славяносербии.

О некоторых аспектах недолгой, но крайне любопытной, противоречивой, по-своему драматичной, истории существования этих поселений идет, преимущественно на основании архивных материалов и документов, речь в моей книге, опубликованной в 1995 году на сербском языке в Белграде, а в 2001 году – в дополненном и несколько переработанном варианте – на русском языке в Киеве (см.: 13, 14).

Писали эту историю как рядовые переселенцы и их командиры (такие, например, как основатель Новой Сербии Иван Хорват, а также «лидеры» Славяносербии Иван Шевич и Райко де Прерадович), так и «простые» украинские и русские крестьяне, поселившиеся на землях, отведенных для поселения переселенцев, ранее, запорожские казаки, петербургские чиновники и их коллеги в Киеве, Новомиргороде, Елисаветграде и Славяносербске.

Худо-бедно, с большими проблемами и колоссальными трудностями «проект» переселения сербских ландмилиционеров в Российскую империю, на земли, входящие ныне в состав Украины, продвигался в течение 50-х и начале 60-х годов 18-го века вперед. В русскую «службу и вечное подданство» приходили все новые и новые люди, закладывались и строились все новые и новые населенные пункты. Прежде почти необитаемая, пустынная степь заполнялась оазисами человеческой жизни.

Важнейшим результатом переселения стало то, что эти оазисы и эта жизнь стали гораздо менее зависимыми от набегов крымских татар и, вообще, подверженными внешнему влиянию.

К 1760-му году население Новой Сербии и Славяносербии превышало 26 000 душ; селений на их территории насчитывалось 122, «дач для поселений» – 195, церквей – 31.

В одном из московских архивов хранится документ под несколько витиеватым, по нынешним меркам названием: «Дело о казенных и частных взысканиях по злоупотреблениям генерал-поручика Хорвата, командовавшего Новосербским корпусом», из которого мы узнаем о том, что командир Новой Сербии за десять лет своего пребывания и службы в России получил следующий воинский чин, а также то, что фортуна отвернулась от него навсегда.

В 1760 году в Сенат поступила жалоба бригадира Муравьева от имени волюхов и болгар, поступивших на службу в Новую Сербию, на притеснения со стороны Хорвата. В 1761 году инспекция под началом полковника Спичинского вскрыла в «ведомстве» Хорвата целый ряд просчетов и злоупотреблений. После этого, внимание к деятельности главного сербского переселенца и всего поселения со стороны российской власти стало еще более пристальным.

В результате очередной ревизии, проведенной в Новосербском поселении, ревизорами был составлен рапорт, крайне неприятный для Хорвата. Были вскрыты серьезные должностные нарушения с его стороны, выявлены факты казнокрадства, взяточничества, установлены случаи произвола. В Новую Сербию было решено направить из российской столицы специальную комиссию уже не для изучения ситуации в поселении, а для расследования дела самого Ивана Хорвата.

Уровень комиссии был достаточно высок. Возглавить ее поручили Киевскому генерал-губернатору Глебову; членами комиссии стали Белгородский генерал-губернатор Нарышкин и капитан Измайловского лейб-гвардии полка князь Грузинский.

Выводы комиссии, изложенные в докладе на имя Императрицы Екатерины II, сменившей в июне 1762 года на российском престоле умершую 24 декабря 1761 года Елизавету Петровну и правившего после нее всего несколько месяцев Петра III, были жесткими. Хорват был признан виновным в финансовых злоупотреблениях, растрате казенных средств, оказании протекции одним лицам в ущерб другим и многих других «грехах».

Комиссия рекомендовала Хорвата от командования в Новой Сербии отстранить, назначив вместо него кого-то из генералов «национальных», то есть русских и придав этому генералу в помощь человека, «хорошо знающего интересы и нравы иностранных переселенцев», другими словами, офицера «сербской нации».

Рукою Императрицы Екатерины на полях доклада комиссии начертано: «Быть по сему».

Спасения для Хорвата больше не было. То, что ему удавалось во времена Елизаветы Петровны благодаря небескорыстной помощи придворных покровителей, в новых условиях оказалось для него невозможным. Все его обращения к Императрице и в Сенат успеха не принесли, да и, похоже, были заведомо обречены на неудачу. Кто-то при дворе был активно настроен против Хорвата и сумел настроить против него Екатерину.

Следствие еще продолжалось, а Императрица уже хвалила Глебова за его

усердие на посту главы специальной комиссии и высказывала удовлетворение в связи с тем, что «Хорват вряд ли может оправдаться в том, что на него открылось».

«Между тем мы заметили, что Хорват с начала своего поселения в России при многих затруднениях подкрепляем был у двора и в Сенате особливими партиями...», – писала Екатерина Глебову, давая ему поручение посоветовать Хорвату покаяться и признаться, кому именно он давал взятки («дачи») «вещами, деньгами или иным чем».

Судьба Хорвата была решена. Его лишили чинов и сослали на проживание в Вологду, где он впоследствии и умер.

Вместе с ним была решена и судьба дела, которому он отдал значительную часть своей жизни.

11 июня 1763 года последовал Именной, данный Сенату, Указ Императрицы Екатерины II «О принятии в Новую Сербию на поселение выходящих из Польши беглых, не только Малороссиян, но Великороссийских и всяких народов, и о бытии Новосербскому Корпусу под ведомством Военной Коллегии», фактически упразднивший все те основы, на которых было построено и держалось первое сербское поселение на украинских землях.

Несмотря на относительно «нейтральное» название, указ был в значительной мере посвящен Хорвату и его «делу», в частности, окончательно констатируя факт совершения им «многих Нашим (то есть – императорских) законам противных, а тамошнему народу вредных поступков».

Указом повелевалось Хорвата от Новосербского корпуса и всего поселения «вовсе отрешить», определив на его место генерал-поручика Мельгунова, в помощь которому придать бригадира Зорича, «как знающего выходящих в Новую Сербию иностранных людей нравы и обычаи и их надобности».

22 марта 1764 года в русской столице принимается документ, которому суждено было сыграть роль заключительного аккорда в официальной истории Новой Сербии: «Высочайше утверждённый доклад Сенаторов... Никиты Ивановича и... Петра Ивановича Паниных. – О именовании Новосербского селения Новороссийскою Губерниею, о поселении в оной полков, двух гусарских и Пикинерного; о плане раздачи земель к их заселению. – С приложением штатов Правления Губернии и вышеозначенным полком».

Таким образом, Новая Сербия юридически прекращала свое существование, вливаясь в новую административную единицу – Новороссийскую губернию.

Вслед за поселением команды Ивана Хорвата и его гусарским полком пришел черед Славяносербии с населявшими ее командами Ивана Шевича и Райко Прерадовича.

11 июня 1764 года Екатерина II утвердила доклад очередной комиссии, на основании которого Славяносербия тоже ликвидировалась, а ее территория и населения переподчинялись Новороссийской Губернии «под единое право».

***

В 19 веке сербское переселение на украинские земли, входившие в состав Российской империи, как государственный проект и практическое действие давно

уже отошло в прошлое. Успели забыться и Иван Хорват с его амбициозными планами и злоупотреблениями, и Иван Шевич, и Райко Прерадович, и другие сербские переселенцы, прибывшие в свое время «в службу и вечное подданство» русских царей. Новый век открывал новую эпоху в истории Российской империи и всей Европы.

А на юго-востоке «старого» континента, в традиционной зоне междоцивилизационного пограничья, мечта о далекой православной державе, перед которой трепещут и Оттоманская Порта, и Ватикан, и Вена, все еще продолжала будоражить умы.

В самом начале века в Россию с Балканского полуострова двинулись новые переселенцы, правда, теперь уже не сербы, а черногорцы, о судьбе которых узнаем из документа под названием «Положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Внутренних дел. – О обложении Славяно-Сербов, поселенных в Новороссийском крае, податями и повинностями», датированного 13 октября 1817 года (10, 800–801).

В документе сообщается, что в 1804 году «на основании Высочайшего дозволения» из Черногории и «Области Герцеговинской» прибыло и было поселено на территории Новороссийского края 22 семьи «славяно-сербов», в том числе сердар Мина Никшич «с родственниками его».

«Водворение», то есть размещение, этих людей было поручено «особенному попечению» херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье. Поселить вновь прибывших было решено в Тираспольском уезде Херсонской губернии. Именно там в то время проходила новая граница Российской империи, именно там нужны были люди, способные своими жилищами, а если потребуется, то и оружием, прикрыть от неприятелей южные рубежи «славянской матушки». Каждой семье было выделено по 150 десятин земли.

Новых переселенцев приняли, хотя прием на сей раз оказался не столь радужным, каким он был полвека назад во времена Елизаветы Петровны, когда в Россию прибывали команды Хорвата, Шевича и Прерадовича.

Тогда, в начале 50-х годов 18 века, переселение было в равной степени нужно и важно как для «австрийских» и «турецких» сербов, так и для русского правительства. Переселенцев не просто ждали, их зазывали, обещая все новые и новые привилегии и льготы, всячески стараясь – особенно в первые месяцы их пребывания на новом месте – не отпугнуть, а, наоборот, привлечь, дав им, может быть, даже больше, чем было обещано сначала.

Теперь для русского двора несколько десятков новых «единоверных» подданных не значили практически ничего, и отношение к ним, поэтому, было самое что ни на есть обычное. Им было выделено земли для поселения. «На прокормление же их и обзаведение учинена была им от казны ссуда, какая производилась Немецким колонистам...».

Такие понятия, как «славянское единство», «единоверность» и пр., бывшие столь популярными во времена создания Новой Сербии и Славяносербии, в лексиконе организаторов приема новых переселенцев из Черногории и Герцеговины на сей раз отсутствовали. В них, по всей видимости, просто не было необходимо-

сти. Опыт заселения Новороссийского края однозначно показал, что особой пользы от разделения колонистов на «единоверных» и «остальных» для реализации имперских интересов нет и быть, очевидно, не может. Для освоения новых земель одинаково подходят люди всех национальностей и вероисповеданий. Главное, чтобы они были готовы вступить «в службу и вечное подданство» и, таким образом, влиться в тот своеобразный стихийный «интернационал», составленный из народов и народностей, которые волею судеб собрались в причерноморских степях во второй половине 18 и начале 19 века.

Из новых переселенцев, о которых идет речь, особое отношение со стороны русского правительства заслужил к себе только человек, их возглавлявший, – сердар Никшич, которому было отведено не 150, как всем остальным, а целых 500 десятин земли, а на «обзаведение» выдано ссуду в 1000 рублей.

Необходимость в документе, принятом в октябре 1817 года, возникла в связи с некоторыми спорными вопросами, связанными с переселенцами, пришедшими в Россию вместе с Миной Никшичем. Главным среди них был вопрос о признании за ними их дворянского статуса и о «подтверждении Дворянской Грамоты, покойным Императором Павлом I данной».

Эта, на первый взгляд, совершенно естественная и невинная просьба переселенцев вызвала достаточно жесткую негативную реакцию со стороны русского министра внутренних дел, суть которой изложена в цитируемом «Положении».

«По Грамоте сей (имеется в виду Грамота, данная Павлом I, – П. Р.), – пишет министр, – видно, что при изъявлении в заглавии оной некоторым поименованным фамилиям Императорской милости и благоволения, Высочайше обещано Сербам, Герцеговину оставившим, что когда они выйдут в Россию, то приняты будут под Монаршее покровительство. Что же касается до Дворянства, то в оной Грамоте ничего о том не упомянуто».

Не менее остро встал, через тринадцать лет после переселения черногорцев во главе с Миной Никшичем в Россию, и вопрос о возвращении ссуды и об обложении новых царских подданных налогами.

По этому поводу мнение министра внутренних дел также было однозначным: «относительно платежа долга и податей и несения повинностей, что как Славяно-Сербам миновали льготные годы и, они водворены на том основании, как и вообще поселенные в Новороссийском краю Немецкие колонисты, то на основании правил, в 1804 году изданных и Высочайше утвержденных, следует обложить их податями и повинностями, а равно и платою числящегося на них казенного долга...».

Идея воссоединения на земле «славянской матушки» России «единоверных» и «единокровных» братьев-славян была в очередной раз, как и в случае следствия по делу Хорвата, брошена на алтарь бюрократических финансовых расчетов и подсчетов. Идеи, как известно, не измеряются в рублях и червонцах, а, следовательно, шансов перевесить в сопоставлении с сиюминутными интересами «казны» или опасностью «лишиться поземельного дохода» у них практически нет. Изложенная казенным языком суть проблемы была сведена к чисто финансово-имущественной стороне дела. Необходимости привлекать сербов в Россию у русского

двора больше небыло. Жаловать их следующими, по сравнению с теми, что были у них до выхода в Россию, чинами или признавать дворянское звание – тоже.

Иными словами: добро пожаловать, но – на общих основаниях и, желательно, за свой собственный счет.

Каких-либо сведений о выходе в Россию для поселения и вступления в службу новых «команд» сербских переселенцев после этого случая, обнаружить пока не удалось. Можно предположить, что на этом история массовых или, хотя бы, относительно массовых переселений сербов и черногорцев во владения императоров российских подходит к своему логическому завершению.

***

Известный украинский историк Н.Костомаров в одном из своих трудов упоминает Шевича, называя его лучшим офицером русской армии под командованием фельдмаршала А. Суворова в ходе польской кампании 1794 года и «храбрым генерал-майором».

Нам сегодня неизвестно, кого именно из потомков Ивана Шевича, прибывшего в Россию в начале 50-х годов 18 века и ставшего одним из основателей Славяносербии, имеет в виду Костомаров, да в данном случае это, собственно, и не так важно. Важно другое: еще очень долгое время после упразднения сербских поселений на страницах русской истории будут мелькать имена героев, однозначно указывающие на сербское происхождение их владельцев. Согласно каждой новой переписи населения сербов в России становилось все меньше и меньше. Если же судить по заслугам и отличиям, их с каждым годом прибавлялось.

Шевичи, Текели, Пищевичи, Божичи и потомки многих других сербских переселенцев прожили отмеренный им судьбой век ярко и выразительно. Им посчастливилось быть увенчанными доброй памятью, наградами, богатством и славой. Этой славой, правда, они, к сожалению, умножали величие не своей, а чужой, хоть и тоже славянской и тоже православной, державы.

Пожалуй, из всех сербских и черногорских семей наибольшую известность и славу в России приобрел род Милорадовичей.

Об одном из предков «русских» Милорадовичей – Милисаве, – жившем в самом начале 17 века, сохранилось предание, согласно которому он построил церковь в селе Житомысличи в Герцеговине, а затем, спасаясь от притеснений со стороны турок, отправился сначала в Константинополь, а затем – в Россию (7, 2). По другим сведениям, правда, Милисав только намеревался отбыть в Россию, но не успел сделать этого, поскольку, захав по дороге из Константинополя домой, внезапно умер.

Если верить информации, содержащейся практически во всех известных нам русских источниках, Милорадовичи ведут свой род от Храбреневичей или Храбренов, которые, в свою очередь, произошли от Охмукевичей, игравших в свое время в истории Герцеговины достаточно важную роль. Еще во второй половине 19 века были живы потомки этого рода, правда, принявшие ислам и поменявшие родовое имя на другие фамилии: Лолочи, Кузmani, Опиячи.

Если верить имеющимся в нашем распоряжении источникам, то в начале 17

века в Герцеговине жили три брата Милорадовича: Радое, Любисав (или Любислав) и Милисав (или Милослав), о котором шла речь выше. Каждый из братьев построил церковь: Радое – в Требне, Любисав – в Ошеничах, Милисав, как уже говорилось, – в Житомысличах.

О том, как сложилась жизнь братьев, говорить крайне сложно ввиду отсутствия достоверных данных. Существует предположение, что Радое и Любисав покинули родные места вслед за Милисавом и по той же причине, что и он, то есть из-за притеснений со стороны турок, однако, подтвердить или опровергнуть его наверняка не представляется возможным.

Судьбе угодно было распорядиться таким образом, что молодое поколение семьи Милорадовичей, к которому принадлежал тот Михаил Милорадович, который поступил на службу при Петре Первом, тоже было представлено тремя братьями: самим Михаилом, а также Гавриилом и Александром. Все трое – и в этом сомневаться уже не приходится – прибыли на поселение в Россию. Михаил сделал это несколько ранее, а Гавриил и Александр – позже.

Авторы «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона», правда, Александра почему-то в расчет не принимают, называя Милорадовичей – «малорусским дворянским родом, происходящим от двух братьев Михайла и Гаврила, выходцев из Сербии».

Первые годы жизни в России, после возвращения с полей битв черногорского восстания, оказались для Михаила Милорадовича не безоблачными. В июле 1715 года он был назначен полковником в гадячский полк, однако, там его ожидал чрезвычайно неприятный и длительный конфликт с местными начальниками, в частности, с генеральным судьей и его предшественником на полковничьей должности Иваном Чернышом (см. об этом: 4).

Гадячский полк считался принадлежностью гетманской булавы; в его составе, кроме всего прочего, находилась еще и казацкая артиллерия. Только две сотни полка состояли в управлении полковника. Этими сотнями официально, а остальными – согласно дававшимся гетманом специальным дополнительным полномочиям, распоряжались до назначения полковники Михайло Борухович и Иван Черныш. Первый был племянником, а второй – зятем или «родным свояком» гетмана Скоропадского.

Все эти объективные и субъективные обстоятельства, вместе взятые, сплелись в сложнейший клубок, выпутаться из которого Милорадовичу не удавалось очень долго. Его тяжба с Чернышом была даже со временем выделена в специальное «Дело», рассмотрением которого, так или иначе, занимались самые различные инстанции как на месте, так и в столице. В конце концов, Милорадович все-таки получил то, что должно было принадлежать ему по царскому указу, однако, на этом его злоключения в России не закончились.

Сначала его, вместе с лубенским (из города Лубны – П. Р.) полковником Апостолом и двенадцатью тысяч казаков, направили, по приказу царя Петра, под Коломак для несения службы по охране границы от турок и татар. Затем, уже по возвращении, оба они – и Милорадович, и Апостол – были заподозрены в связях с опальным гетманом Полуботком, арестованы, подвергнуты допросам и заклю-

чены в тюрьму. Есть сведения, что, отбывая наказание, Милорадович успел побывать и на Ладого, куда его с пятью тысячами казаков посылали рыть каналы.

В заключении Михаил Милорадович провел несколько лет, до самой смерти Петра. В 1725 году по вступлении на царский трон императрицы Екатерины I узник вместе со своими товарищами по несчастью был освобожден, получив разрешение вернуться к своему полку. Ему было возвращено имение, конфискованное при аресте. Умер Милорадович в 1726 году (по другим сведениям – в 1728). Его вдове, Ульяне, дочери Генерального есаула Войска Запорожского Степана Бутовича, царь Петр II пожаловал – за верную службу и заслуги покойного мужа – полсотни дворов в «Малороссии».

После Михаила Милорадовича полковником в Гадяч был по протекции князя Меньшикова, на «служительке» которого он был женат, назначен его брат Гавриил, отрешенный, правда, вскоре от должности новым гетманом Данилом Апостолом в 1729 году, якобы, за взяточничество. Многие из тех, кому была известна история спора старшего Милорадовича с Иваном Чернышом, восприняли отставку Гавриила как расправу за дела Михаила.

Продолжателем рода Милорадовичей стал сын Михаила – Степан, служивший одно время малороссийским бунчуковым товарищем.

Один из сыновей Степана – Андрей Степанович (1726–1796) блестяще проявил себя на полях русско–турецких сражений. Сначала он в октябре 1771 года, в то время уже генерал-майор, переправился через Дунай с небольшим отрядом, состоявшим из 1800 человек пехоты и 300 казаков, атаковал и наголову разбил семитысячный турецкий корпус. Затем, летом 1774-го, своими умелыми действиями во главе двух пехотных полков остановил продвижение неприятельских войск, вынудив значительный по численности турецкий отряд отказаться от намеченного плана наступления и спешно вернуться в место прежней дислокации.

За эти подвиги Андрей Милорадович в 1775 году был награжден орденом Георгия Победоносца III-го класса, а также орденом Святой Анны.

Из отличий, полученных Андреем Степановичем, стоит особо упомянуть Аттестат о приеме в запорожское товарищество, врученный ему от имени Коша Новой Запорожской Сечи в 1767 году, во время его пребывания в Сечи в качестве представителя новороссийского губернатора при проведении выборов в Законодательную комиссию.

В 1779 году ему было присвоено звание генерал-поручика, а еще через два года, когда вместо бывшего Черниговского полка было учреждено Черниговское наместничество, он был назначен туда наместником. На этой должности Милорадович оставался в течение целых пятнадцати лет, до самой кончины императрицы Екатерины II, получив за «усердную и ревностную службу» ордена Святого Владимира и Святого Александра Невского.

Другой сын Степана Михайловича Милорадовича – Петр Степанович – был женат на правнучке украинского гетмана Павла Полуботка – Софье, дослужился до чина генерал-майора, а в 1762 году получил назначение на должность полковника Черниговского полка.

Наибольшей славой из всех членов рода Милорадовичей покрыл себя сын

Андрея Степановича, Михаил Андреевич (1771–1825). Еще в молодые годы ему посчастливилось быть замеченным во время боевых действий русской армии под командованием легендарного А.Суворова: в 1798 году он участвовал в качестве шефа апшеронского мушкетерского полка в итальянском и швейцарском походах. В 1805–1808 годах Михаил Андреевич отличился в русско–турецких войнах, особенно – в сражении при Рассевате.

С 1810 по 1812 гг. Михаил Милорадович-младший был генерал-губернатором в Киеве. Отечественная война России против наполеоновской Франции 1812 года сделала его без преувеличения национальным героем. За подвиги, совершенные в ходе этой войны, он был отмечен целым рядом наград, в том числе – орденом Святого Георгия Победоносца II степени, а также графским титулом.

Впоследствии Милорадович был назначен командующим одного из гвардейских корпусов, а затем – генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Это оказалось его последним перемещением по службе. 14 декабря 1825 года герой скончался от раны, полученной на Сенатской площади российской столицы во время известного восстания декабристов.

Кроме своих выдающихся успехов в военной карьере, Михаил Андреевич интересен еще и тем, что получил блестящее образование. Вместе со своим двоюродным братом, Григорием Петровичем, он учился в славном Геттингенском университете, по окончании которого отправился в не менее знаменитый университет в Кенигсберге, где посещал лекции выдающегося немецкого философа И.Канта.

Возвращаясь в Россию, братья вместе со своим «дядькой»-воспитателем И.Михайловским-Данилевским посетили Мец и Страсбург, а также Париж, где были представлены королю Франции Людовику XVI.

Григорий Петрович Милорадович (1764–1828) после непродолжительной воинской службы сумел сделать хорошую карьеру на службе гражданской: в 1789 г. он был назначен малороссийским почт-директором, а в 1797 – генеральным судьей Украины (Малороссии). В 1802 году Григорий Милорадович был произведен в тайные советники с переводом по службе в гражданские губернаторы Таврической губернии.

Семейная жизнь этого Милорадовича также заслуживает самого пристального внимания. Он был женат на дочери Павла Кочубея – Александре, родной племяннице канцлера Безбородько и сестре князя Виктора Павловича Кочубея. От этого брака появилось на свет семеро сыновей и четыре дочери (еще пятеро детей умерло в младенческом возрасте).

Есть сведения, что Григорий Петрович работал над «Историей Малороссии» на немецком языке, доведя изложение событий до 1600-го года. Впоследствии рукопись оказалась в Германии, «в руках ученого немца», который должен был ее «пересмотреть и продолжить», а затем ее след потерялся.

5 января 1776 года по именному высочайшему указу Екатерины II, состоявшемуся по докладу Сената, повелено: «генерал-майора Михайла Александрова..., подполковника Луку Гаврилова, генерал-майора Андрея Степанова и поручика Андрея Антонова, детей Милорадовичей, включить в список с дворянами Российской Империи, с утверждением имевшегося их фамилии герба» (3, 29–30).

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики России (Москва). – Фонд 32. – Описание 1. – Дело 6. – Лист 1.
2. Белов Е. *Результаты войн России с Турцией. XVIII век. Статья вторая. – Древняя и новая Россия.* – 1877. – №7.
3. *Биографические очерки замечательных Милорадовичей Григория Милорадовича.* – Чернигов, 1857.
4. Бодянский О. *Предисловие. – Дело Гадяцкого полковника, Михаила Милорадовича с Генеральным судьей Чернышем, 1716 года.* – Чтения в Московском Императорском обществе истории и древностей российских. – 1870. – №3.
5. Данилевски, Николај. *Русија и Европа.* – Београд, 1994.
6. *Доношение Царскому пресветлому Величеству. – Материалы для истории Южной Руси, изданные Григорием Милорадовичем.* – Чернигов, 1858.
7. Иларионов Н. *Православный монастырь Житомирский в Герцеговине.* – Чтения в Московском Императорском обществе истории и древностей российских. – 1870. – №3.
8. *История Новой Сечи или последнего Коша запорожского А.Скальковского. Часть II.* – Изд. 3-е. – Одесса, 1885.
9. Милорадович Г. А. *Родословная книга Черниговского дворянства.* – Санкт-Петербург, 1901. – Т.1, ч.1.
10. *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое.* – Санкт-Петербург. – 1830. – Т.VII. – 6062.
11. Попов, Нил. *Военные поселения сербов в Австрии и России.* – Вестник Европы. – 1870. – Т.III. – Кн. 6-я (июнь).
12. *Россия XVIII в. глазами иностранцев.* – Ленинград, 1989.
13. Рудяков П. *«В службу и вечное подданство...». Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764).* – Киев, 2001.
14. Рудяков П. *Сеоба Срба у Русију у 18. веку.* – Београд, 1995.
15. Центральный государственный архив древних актов Российской Федерации (Москва). – Фонд 59. – Описание 1. – Дело «Сношения России с Рагузой».

РЕЗИМЕ / SUMMARY

Прва «посада» досељеника од 218 душа на челу са Јованом Хорватом стигла је у Кијев, кроз који их је водио пут у места будућег сталног боравка, 10. октобра 1751. године. За њом су уследиле друге групе, и на крају године Хорватова «посада» бројала је 410 особа укључујући припаднике војске, чланове њихових породица и слуге. Тако је почело оснивање Нове Србије – првог српског станишта у Руској империји. Годину дана касније, Иван Шевић и Рајко Прерадовић основали су друго српско станиште – Славеносрбију на територији данашње Луганске области.

С огромним тешкоћама, противречностима и проблемима оствариван је

«пројекат» сеобе српских граничара у Русију. Године 1760. у Новој србији и Славеносрбији живело је више од 26000 становника. Даљем развиту српских колонија у Русији засметали су, с једне стране, промена историјских прилика, а с друге – такви чиниоци као што су промена монарха и уклањање Јована Хорвата са командног положаја у Новој Србији. Са личном судбином Хорвата, показало се, одлучена је и судбина дела којем је он посветио део свог живота: у марту 1764. године укинута је Нова Србија и укључена у састав нове административне јединице, створене на територији Русије - Новоросијске губерније. У јуну исте године једнака судбина стигла је и Славеносрбију.

*

The first “crew” of migrants of 218 people led by Jovan Horvat arrived to Kiev and later to places of their permanent residence on October 10, 1751. Other migrant groups followed and at the end of the year Horvat’s “crew” numbered 410 people including members of the army, their families and servants. Thus the foundation of New Serbia began – the first Serbian place in the Russian empire. A year later, Ivan Sevic and Rajko Preradovic founded the second Serbian place – Slavonic Serbia on the territory of the present Lugan region.

The migration “project” of the Serbian border-guards to Russia was realized with great difficulties, contradictions and problems. In 1760 in New Serbia and Slavonic Serbia there were more than 26000 inhabitants. Further development of Serbian colonies in Russia was hindered by historical changes, but also facts like change of the monarch and dismissal of Jovan Horvat from the commanding position in New Serbia. It turned out that with the personal fate of Jovan Horvat, the fate of his project to which he dedicated all his life was also decided: in March 1764 New Serbia was terminated and was included in the structure of the new administrative unit created on the territory of Russia – New Russian province. In June the same year the same happened to Slavonic Serbia.